

ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАПИТАЛИЗМА В XXI ВЕКЕ*

© 2015 г. В. Клинов

PIKETTY T. Capital in the Twenty-First Century. Cambridge (Massachusetts), The Belknap Press of Harvard University Press, 2014, VIII + 685 p.

Рассматривается проблема регулирования накопления капитала в связи с обострением неравномерности распределения доходов и богатства в развитых странах. Доказывается волновой характер динамики разделения национального дохода между трудом и капиталом. Оцениваются возможности и необходимость использования инструментов налоговой политики для снижения неравномерности распределения доходов и богатства. Анализируется реформа налоговой политики, предлагаемая Т. Пикети.

Ключевые слова: неравномерность распределения доходов, развитые страны, длинные волны экономического развития, распределение национального дохода, доходы труда и капитала, регулирование капитализма, налоговая политика.

Рецензия получена 05.01.2015.

Капитализм как политэкономическая система исторически убедительно доказал свою способность успешно развивать производительные силы, наращивать и использовать с этой целью возможности научного, материально-технического потенциала. За два столетия выпуск продукции на душу населения повысился в США примерно в 25 раз. До промышленного переворота в Великобритании требовалось не менее 350 лет для увеличения того же показателя в 2 раза [1, р. 35, 47, 87-89]. Вместе с тем, подчеркнем, непропорционально большая часть прироста национального дохода ныне присваивается владельцами капитала, а не рабочей силы. Проблема неравномерности распределения доходов и богатства в развитых странах за последние три десятилетия обострилась.

Тома Пикети (*Thomas Piketty*, 1971 г.р.), профессор Парижской школы экономики, посвятил свою исследовательскую деятельность, протекавшую во французских, британских, американских центрах экономической науки, историческим закономерностям динамики распределения доходов и богатства в условиях развитого капитализма.

Его статьи публиковались в ведущих журналах по вопросам экономической теории ряда стран.

Фундаментальная монография Т. Пикети “Капитал” является результатом исследований на протяжении 15 лет, 1998–2013 гг. (р. VII). Книга была издана в 2013 г. на французском языке, а в 2014-м вышла в переводе на английский. Читательский успех монографии (к концу 2014 г. было продано свыше 1 млн. экземпляров) и признание “Книгой Года” по экономике от газеты *Financial Times* и консультационной фирмы *McKinsey* можно объяснить рядом обстоятельств.

Во-первых, нарастание неравномерности распределения доходов и богатства в развитых странах стало социальной и политической проблемой первостепенного значения. В США доля национального дохода, приходящегося на 10% наиболее обеспеченного населения, достигла в 2007 г. 50%, тогда как в 1970-х годах она составляла менее 35% (р. 291). Практически весь прирост национального дохода Соединенных Штатов после 1980 г. присваивался их капиталистической элитой [2, pp. 2-3].

Чрезмерная концентрация богатства чревата разрушением демократических основ политического устройства. Апеллируя к опыту “Нового курса” Ф.Д. Рузвельта, Т. Пикети цитирует критику плутократии Джосайю Уэдгвуда (*Josiah Wedgwood*, 1899–1968), заявившего в 1938 г.

КЛИНОВ Виленин Георгиевич, доктор экономических наук, профессор, МГИМО (У) МИД РФ, РФ, 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76 (vg.klinov@mail.ru).

* Материал подготовлен на основе исследования, выполненного в рамках гранта РГНФ 14-02-00330.

о неустойчивости “политических демократий, не демократизирующих свои экономические системы” (р. 508).

Во-вторых, игнорирование основным направлением англосаксонских школ экономической мысли такой важной характеристики экономического роста, как распределение доходов и богатства [2, р. 238, 243], также усилило интерес к проблеме неравномерности распределения и ее влияния на экономический рост.

В-третьих, Т. Пикети выступил с критикой “умеренного использования математических моделей” (р. 574) для описания экономики, без учета социальной значимости рассматриваемых проблем. Своей монографией он показал преимущества исторического анализа динамики распределения доходов и богатства. “Исторический опыт остается нашим главным источником знаний”, – подчеркивает автор (р. 575).

Не последнюю роль сыграли символическое название книги – “Капитал”, связь авторской трактовки исторической роли капитализма с анализом и прогнозом, данным в “Капитале” Карла Маркса (1818–1883). Наконец, Т. Пикети предложил систему регулирования современного капитализма средствами налогово-бюджетной политики. По его прогнозу, без соответствующей “балансировки” неравномерность распределения доходов и богатства в долгосрочной перспективе будет нарастать и превысит высшие отметки конца XIX – начала XX вв., что чревато социальными и политическими потрясениями. Главная цель предлагаемой ученым налоговой реформы – “не финансировать социальное государство, но регулировать капитализм” (с. 518).

Автор нового “Капитала” выступил с критикой как апокалиптической концепции “бесконечного накопления” К. Маркса (р. 7), абсолютизирующей тенденцию XIX в. к концентрации и централизации капитала, так и диаметрально противоположной концепции – Саймона Кузнеца (1901–1985), согласно которой неравномерность распределения доходов и богатства “автоматически снижается” в XX в. под влиянием научно-технического прогресса (р. 11). Полемика досталась и Йозефу Шумпетеру (1883–1950), высказавшему в 1942 г. уверенность в том, что социализм в конечном итоге одержит победу над капитализмом, и Полу Самуэльсону (1915–2009), предсказавшему в 1970 г., что по величине ВВП Советский Союз превзойдет США в интервале между 1990 и 2000 г. (р. 137).

К сожалению, Т. Пикети не углубляется в анализ закономерностей НТП. Он допускает существование

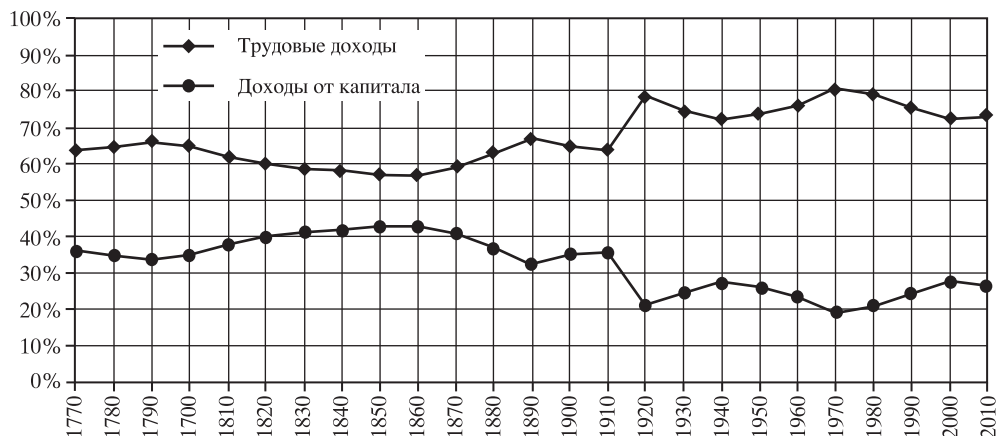
двух мощных противодействующих сил, автоматически действующих в рыночной экономике, основанной на частной собственности. В его изложении, с распространением знаний и квалификаций, то есть с эксплуатацией достижений НТП, связана тенденция к уменьшению неравномерности распределения доходов. Ей противостоит обратный тренд-процесс, обусловленный особенностями накопления и наследования капитала (р. 571).

ВОЛНОВОЙ ХАРАКТЕР ДИНАМИКИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДОХОДОВ

Противодействие тенденций к уменьшению и нарастанию неравномерности распределения доходов становится возможным, когда мировое экономическое развитие приобретает преимущественно интенсивный характер, с осуществлением крупных капиталовложений в нововведения научно-технического характера, начиная с промышленного переворота в Великобритании. В 1820–1913 гг. среднегодовой темп прироста мирового ВВП достиг 1.5%, по данным Т. Пикети. Экстенсивная составляющая прироста выпуска продукции (темп прироста численности населения) составила 0.6 процентного пункта (п.п.). Интенсивная компонента (темп прироста ВВП на душу населения) достигла 0.9 п.п. (р. 73). Согласно данным А. Мэдисона, в указанный период среднегодовой прирост ВВП Великобритании (лидера экономического развития XIX в.) достиг 2.0%. Среднегодовой прирост населения составил 0.8%, а ВВП на душу населения 1.2% [1, pp. 35–41, 47–53].

1820 год примерно соответствует завершению восходящей волны первой промышленной революции в Великобритании, а 1913-й означает канун Первой мировой войны. В указанный период роль государства в экономике была ограничена “сторожевыми” функциями (армия, полиция, суды, уголовно-исполнительная система). Доля государственного бюджета в ВВП развитых стран составляла в 1870–1910 гг. 7–8% (р. 475). В 1820–1913 гг. можно говорить о преобладающей роли рынка в регулировании хозяйственных процессов и распределения доходов в передовых экономиках.

В предшествующий период, когда подготавливался и осуществлялся промышленный переворот (1700–1820 гг.), интенсивная составляющая, по версии Т. Пикети, приобретает статистически значимую величину – 0.1 п.п. Преобладает, однако, экстенсивная компонента – 0.4 п.п. (прирост населения), и среднегодовой темп прироста ми-

Рис. 1. Доли труда и капитала в национальном доходе Великобритании, %, 1770–2010 гг. Источник к рис. 1–4: [2].

рового ВВП оценивается автором в 0.5% (р. 73). По данным А. Мэдисона, в указанный период в Великобритании среднегодовой темп прироста ВВП достиг 1.0%, численность населения увеличивалась в среднем на 0.8% в год, а ВВП на душу населения прирастал на 0.2% [1, р. 35, 47].

Неравномерность распределения национального дохода в большей степени была связана с динамикой имущественных, чем трудовых доходов (р. 244). В связи с этим о преобладании тенденции к усилению или ослаблению неравномерности распределения национального дохода можно судить по изменениям долей труда и капитала в национальном доходе Великобритании.

Динамика доходов имеет волновой характер. В прошлом длинные волны экономического развития не всегда совпадали с периодизацией больших циклов экономической конъюнктуры Н.Д. Кондратьева. Несовпадения можно отнести на счет несовершенства статистических оценок динамики экономического развития в XVIII и XIX вв. Существование длинных волн подтверждается статистическими данными, приведенными в монографии (рис. 1).

Начало динамического ряда, характеризующего соотношение трудовых доходов и доходов от капитала, датируется 1770 г., что примерно соответствует старту промышленного переворота в Великобритании. Восходящая волна большого цикла длилась до 1790 г., согласно представленным данным. Она сопровождалась увеличением доли трудовых доходов с 64 до 66% и снижением с 36 до 34% доли доходов от капитала (сумма ренты, прибыли, дивидендов и процента). Далее, до 1850–1860 гг., наблюдалась нисходящая волна большого цикла. В ее рамках происходило снижение

доли трудовых доходов до 57% и увеличение доли доходов от капитала до 43%.

Восходящая волна большого цикла второй половины XIX в., согласно оценкам Т. Пикети, продолжалась до 1890 г., доли доходов труда и капитала достигли 67 и 33% соответственно. Затем пришла очередь нисходящей волны большого цикла, прерванной Первой мировой войной. В 1910 г. доли вернулись к показателям 1770 г.

Автор приводит сведения о распределении национального дохода. Если бы использовались данные о распределении ВВП по ценам факторов производства, то доля капитала за счет амортизационных отчислений была бы существенно выше, а доля труда, соответственно, меньше.

Последующая динамика соотношения долей доходов труда и капитала в национальном доходе Великобритании сохраняет волновой характер, но эта динамика в значительной степени подвержена влиянию экономической политики государства. Кроме того, в XX и начале XXI в. роль лидера НТП играют США, но соответствующих данных по этой стране в монографии не приводится.

В восходящей волне цикла второй половины XX в. доля трудовых доходов в ВВП США по ценам факторов производства повысилась с 56.5% в 1948 г. до 63,5% в 1970, а затем в нисходящей волне снизилась до 58.8 в 1997 г. (рассчитано по [4]). Современные разносторонние и более точные данные системы национальных счетов позволяют дать объяснение механизму циклической динамики доходов. Этого, к сожалению, не делает Т. Пикети.

Восходящая волна большого цикла характеризуется увеличением, а нисходящая – уменьшением ресурсоемкости производства. В первой волне

интенсивно эксплуатируется конструкторская ветвь НТП, ответственная за создание новых видов продукции, выпуск которых увеличивает спрос на ресурсы. Конкурентоспособность компаний в восходящей волне в основном определяется способностью поставлять новые виды товаров и услуг в соответствии с меняющимися требованиями потребителей к видам и качественным характеристикам поставляемых благ.

В нисходящей волне преобладает технологическая ветвь НТП, задачей которой является совершенствование производства товаров и услуг (снижение удельных затрат). Острота конкурентной борьбы в нисходящей волне большого цикла во многом смещается в сторону ценовой конкуренции.

Ввиду меньшей мобильности рабочей силы – или меньшей эластичности ее предложения по сравнению с капиталом – восходящая волна долгосрочного цикла формирует более благоприятную конъюнктуру для рабочей силы в передовых странах. Соответственно, трудовые доходы опережают в росте доходы от капитала. Наоборот, замедление роста спроса на ресурсы в нисходящей волне большого цикла больше сказывается на положении рабочей силы. Повышается норма безработицы, в то время как усиливается экспорт капитала в развивающиеся страны, где выше отдача от капиталовложений, а оставшийся в стране капитал улучшает соотношение “затраты–выпуск” за счет снижения издержек.

По версии Т. Пикети, быстрый рост доходов от капитала в сравнении с ВВП в долгосрочной перспективе возможен, когда норма отдачи на вложенный капитал (r), превышает среднегодовой темп прироста ВВП (g), $r > g$ (р. 25). В Великобритании в 1770–1913 гг. норма отдачи оставалась в пределах 4–5% (р. 202), превышая более чем в 2 раза среднегодовой темп прироста ВВП.

Опережающий рост доходов капитала по сравнению с ВВП, как представляется, мог быть обеспечен, в частности, более высоким доходом от иностранных инвестиций. В целом же сказывается большая способность капитала по сравнению с рабочей силой перемещаться при изменении конъюнктуры в отрасли и регионы с лучшим соотношением “затраты–выпуск”.

Как утверждает автор, в длительной перспективе соотношение Капитал/ВВП (β) определяется нормой сбережений (s), деленной на среднегодовой темп прироста (g), то есть $\beta = s/g$ (р. 166). Логичность и достоверность формулы сомнительна. Есть непосредственная связь между нормой вложений в основной капитал (относительно ВВП) и

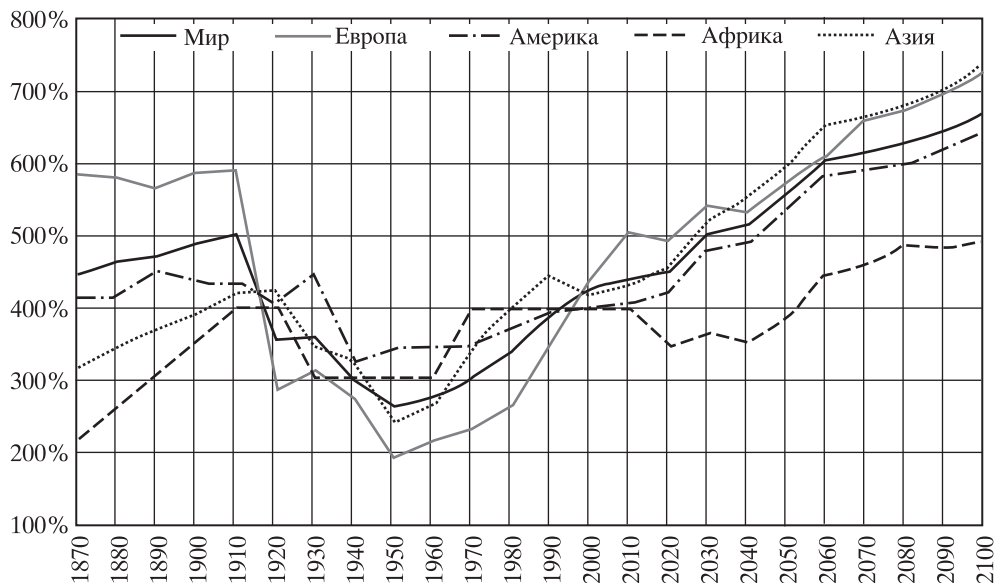
ростом капитала. Норма сбережений может быть больше или меньше нормы вложений в основной капитал в зависимости от инвестиционного и предпринимательского климата. Например, в России одна из самых высоких норм сбережений в мире. С учетом амортизационных отчислений она составила в 2012 г. 31.8% ВВП, а норма вложений в основной капитал – 21.9%, то есть была почти на 10 п. п. ниже [5].

Не подтверждается означенная формула и конкретными расчетами по 8 крупным развитым странам (к “большой семерке” автор добавил Австралию) (р. 186). Для наглядности возьмем страны, у которых соотношение Капитал/ВВП наиболее высокое и самое низкое как на протяжении всего периода, так и в 2010 г. У Японии, по данным, представленным в монографии на Диаграмме 5.7, соотношение “частный Капитал/ВВП” в 2010 г. равнялось 6.1, а за 1970–2010 гг. – 6.0. Норма сбережений без амортизационных отчислений в среднем за период составила 14.6 (р. 186). По формуле делим показатель сбережений на среднегодовой темп прироста национального дохода 2.5% (р. 174). Получаем 5.8 за 1970–2010 гг. Это, пожалуй, единственный пример, подтверждающий связь соотношения Капитал/ВВП и нормы сбережений. Другой пример не укладывается в такую формулу. Для Германии на Диаграмме 5.7 в 2010 г. соотношение составило 4.1, а за весь период – 3.6. По формуле делим 10.2 на 2.0, получаем 5.1 за 1970–2010 гг. Разница существенна.

Исторически наиболее высоких значений соотношение “частный Капитал/ВВП” экономик Европы было достигнуто в 1870–1910 гг. В 1910 г. оно выражалось коэффициентом 5.9 (рис. 2). В США национальный капитал превышал годовой ВВП 1910 г. в 4.9 раз, тогда как в 1770 г. соотношение равнялось 3.1 (р. 154). Мировой показатель “частный Капитал/ВВП” повысился с 4.5 в 1870 г. до 5.0 в 1910. Это был период, когда вмешательство государства в экономику было минимальным. Опережающий рост капитала и рост неравномерности распределения является результатом свободного рыночного механизма, когда он не регулируется соответствующим образом со стороны государства.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА НА НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДОХОДОВ

Период 1913–1950 гг. характеризуется уменьшением соотношения “национальный Капитал/ВВП”. В Германии, Франции и Великобритании значение коэффициента сократилось с 6.4–6.8

Рис. 2. Соотношение частный капитал/годовой национальный доход в мировом хозяйстве, %, 1870–2100 гг.

в 1910 до 2.3–2.8 в 1950 г. (р. 147). В среднем в Европе данное соотношение опустилось до 2.5 в 1950 против 6.6 в 1910 г. (р. 165). Сказались разрушительное воздействие на капитал мировых войн, а также введение прогрессивного налогообложения доходов для финансирования военных расходов.

Рост налоговой нагрузки и государственного бюджета относительно ВВП был связан также с формированием и развитием социальных систем государства, ростом расходов на образование, здравоохранение, социальное обеспечение. О влиянии Первой мировой войны на уменьшение различий в уровне доходов Великобритании свидетельствует, в частности, тот факт, что доля труда в ее национальном доходе повысилась в 1910–1920 гг. с 64 до 79%, а капитала снизилась с 36 до 21%. “Прогрессивное налогообложение было в той же мере результатом двух мировых войн, как и продуктом демократии” (р. 498).

В США наиболее высокий показатель соотношения Капитал/ВВП наблюдался в 1930 г., когда он приблизился к 5.4. К 1950 г. показатель снизился до 3.8, но низшая точка – 3.5 – была пройдена в 1940 г. (р. 154). Мировой показатель “частный Капитал/ВВП” в 1950 г. сократился до 2.6 против 5.0 в 1910.

В 1910–1950 гг. преобладала тенденция к повышению прогрессивности налогообложения доходов, что способствовало уменьшению различий в уровне доходов, но одновременно снижало стимулы экономического роста. Поэтому периоды

повышения прогрессивности налогообложения сменялись периодами ослабления прогрессии. Общая картина динамики максимальной ставки подоходного налога в США, Великобритании, Германии и Франции в 1900–2013 гг. представлена на рис. 3.

В США высшая ставка подоходного налога после вступления в Первую мировую войну достигла 77% в 1918-м и снизилась до 73% в 1919–1921 г. В 1925 г. она опустилась до отметки 25% и до 24 в 1929 г., что способствовало интенсификации экономического роста до конца 1920-х.

Проблемы усиления экономической роли государства, преодоления Великой депрессии и формирования систем социального страхования в период Нового курса Ф.Д. Рузвельта привели к повышению максимальной налоговой ставки на доходы до 63% в 1933 и 79% в 1936–1938 гг. Следующее поэтапное повышение произошло со вступлением США во Вторую мировую войну – до 88% в 1942–1943 гг., до 94% в 1944–1945. К 1950 г. ставка снизилась до отметки 84%.

Во второй половине XX и начале XXI в. накопление капитала опережает прирост ВВП. Мировое соотношение “частный капитал/ВВП” увеличивается за 60 лет до 4.5 в 2010 г. по сравнению с 2.5 в 1950 г. Эти 60 лет Т. Пикети делит пополам – до и после 1980 г. – руководствуясь сдвигами в налоговой политике ведущих стран. На самом деле, изменения в налоговой политике с запозданием отражают смену долгосрочных тенденций экономического развития.

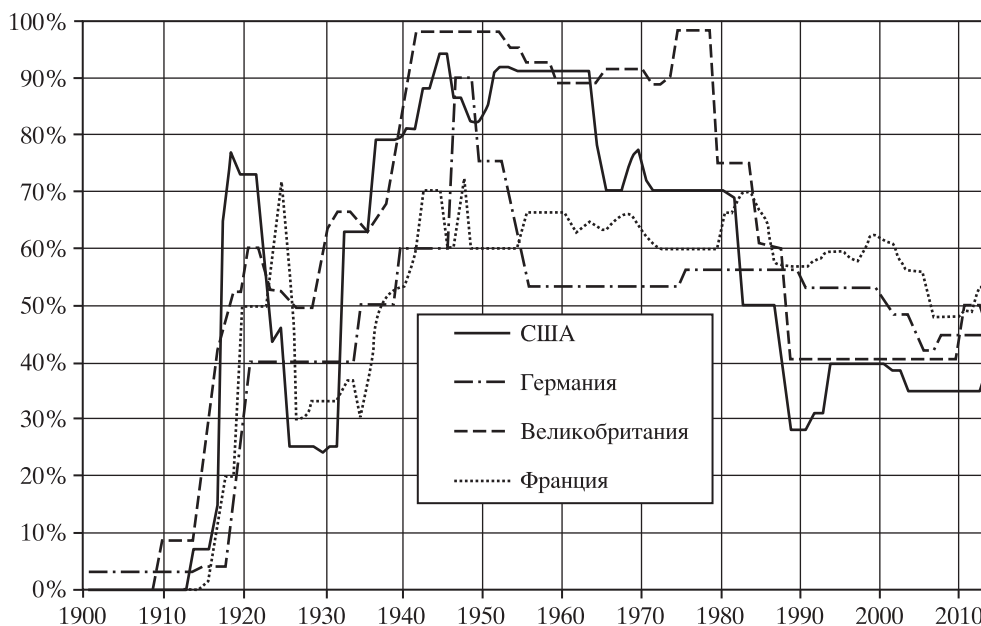

Рис. 3. Максимальные ставки подоходного налога в США, Великобритании, Германии и Франции, %, 1900–2013 гг.

Восходящая волна большого цикла соответствовала третьей четверти XX в. В этот период наблюдались исторически самые высокие темпы прироста ВВП на душу населения развитых стран. В четвертой четверти XX в., в нисходящей волне большого цикла, темпы прироста развитых стран снижаются примерно в 2 раза.

В середине 1990-х в США наступил новый долгосрочный поворот в сторону повышения темпов экономического роста. Поскольку эта страна является лидером НТП и ведущей экономикой развитого капитализма, то 1996 г. можно считать началом восходящей волны большого цикла первой половины XXI в.

Из числа ведущих стран, представленных в монографии, Германия в наибольшей степени воспользовалась благоприятными возможностями ускорения экономического роста в третьей четверти XX в., сотворив “немецкое чудо”. С основанием ФРГ была снижена максимальная ставка подоходного налога, с 90% в 1946–1948 гг. до 75% в 1949–1952 гг. В 1955–1974 гг. ставка была установлена на отметке 53% (р. 499). Налоговая политика Франции в третьей четверти XX в. во многом совпадала с линией ФРГ.

В США из-за участия в войнах в Корее и Вьетнаме максимальная ставка подоходного налога была установлена в 1951 г. на уровне 91% и оставалась на этой (или чуть выше – 93) отметке до 1963 г. Она была снижена до 70% в 1965 г. На протяжении большей части периода до 1980 г.

ставка оставалась на отметке 1965 г. В среднем, величина федерального подоходного налога в США в 1932–1980 гг. составила 81% (р. 507).

Дольше всех, с начала 1940-х и до конца 1970-х, и выше всех, на отметках 90% и выше (до 98%) сохранялась максимальная ставка подоходного налога в Великобритании. Ее показатели экономического роста в эти годы были ниже, чем у других крупных развитых стран.

Англосаксонская модель оказалась успешной в стимулировании экономического роста в условиях нисходящей волны большого цикла, особенно после 1980 г. В США максимальная ставка подоходного налога была установлена на отметке 50% в 1982–1986 гг. В 1988–1990 гг. ее опустили до 28%. Затем она менялась в диапазоне 30–40% и в 2012 г. закрепились на отметке 40%. В Великобритании максимальная ставка налога была снижена до 75% в 1979–1983 гг., до 60% в 1984–1987 гг. и 40% в 1988–2009 гг. В 2010-х она была повышена до 50%.

Германия и Франция удерживали максимальные ставки подоходных налогов после 1980 г. на более высоких отметках, чем США и Великобритания. Только в 2010-х ставки сблизилась. Во Франции ставка налога 2010-х на 7 пунктов превосходила британскую, а немецкая была выше на 5 пунктов американской.

Для ограничения наследственного капитала, в котором Т. Пикети видит основной источник усиления неравенства доходов и богатства, большое

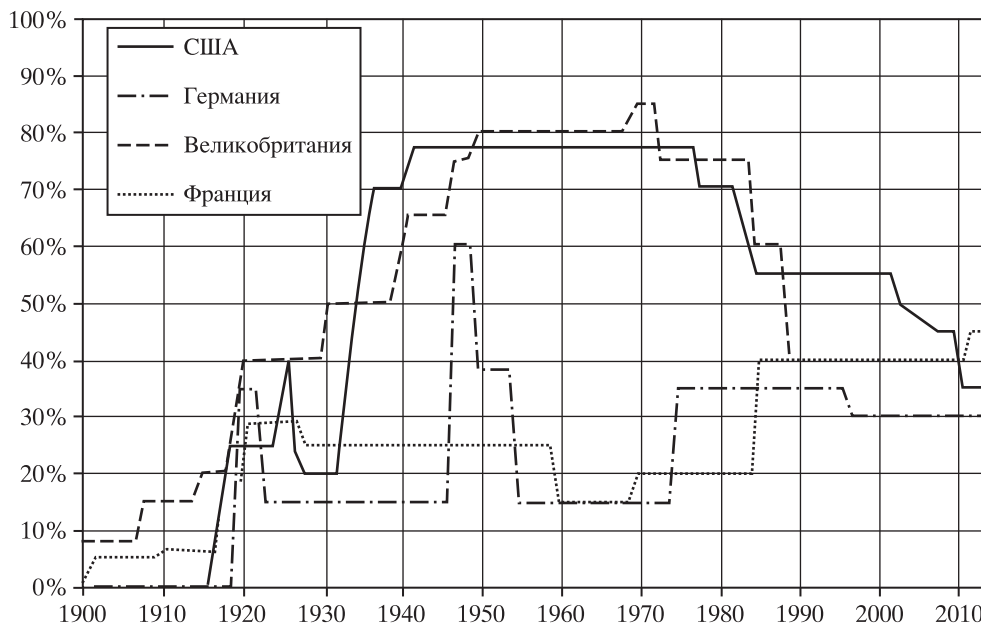

Рис. 4. Максимальные ставки налога на наследство в США, Великобритании, Германии и Франции, %, 1900–2013 гг.

значение имеет приближающаяся к конфискационному порогу ставка налога на наследование имущества в особо крупных размерах. Общая картина динамики максимальных ставок налога на наследуемое имущество в США, Великобритании, Германии и Франции с 1900 по 2013 г. представлена на рис. 4.

В англосаксонских странах политика повышения налогов на наследование дорогостоящего имущества проводилась с 1900-х до 1970-х. В Великобритании ставка повышалась в 3 этапа – с 8% в 1900–1905 до 40% в 1919–1929 гг. Затем последовало повышение до 50% в 1930–1938 гг. В 1940–1945 гг. ставка равнялась 65%. К 1949 г. ее повысили до 80% и удерживали на этом уровне до 1968 г. В 1969–1971 гг. достигнут высший показатель в 85%. После возобладала тенденция к понижению – до 75% в 1972–1982 гг., 60-ти в 1983–1987 и до 40% в 1988–2013 гг.

В США решительный поворот к политике ограничения власти наследственного капитала был обозначен Новым курсом Ф.Д. Рузвельта. Ставка налога на наследование имущества повысилась в 5 этапов с 20% в 1931-м до 70% в 1936–1939 гг. К 1941 г. она была увеличена до 77% и оставалась на этой отметке до 1976 г. В следующем году ставку снизили до 70%, и она оставалась таковой до 1981-го. К 1983 г. был достигнут рубеж в 55%. Он удерживался до 2001 г.

Далее последовал поэтапный демонтаж конфискационной системы в области наследования

особо крупного имущества. Имелось в виду недвижимое имущество от 5 млн. долл. на одно лицо и от 10 млн. на семейную пару [2, р. 157]. К 2010 г. ставка опустилась до 35%.

По мнению Т. Пикети, когда максимальные ставки налогов на доход и на наследование имущества устанавливаются на отметках 70–80%, основная цель состоит не в получении дополнительного дохода, а в том, чтобы заставить отказаться от доходов и имущества, размеры которых считаются “социально неприемлемыми и экономически непродуктивными” (р. 505). Это не равноценно абсолютному запрету или экспроприации. “Прогрессивный налог представляет собой идеальный компромисс между социальной справедливостью и индивидуальной свободой” (там же).

В Германии и Франции сложилась традиция щадящего налогообложения наследования крупного имущества. После Второй мировой войны в этих странах наблюдались тенденции, зеркально противоположные англосаксонским. В Западной Германии во второй половине 1940-х оккупационными властями ставка налога была установлена на отметке в 60%. С образованием ФРГ в 1949 г. ставка опустилась до 39%, а в середине 1950-х – до 15%. В 1974 г. ставка повышается до 35% и оставалась такой до 1995 г. К 1998 г. она была понижена до 30%. На этой самой низкой для 4 стран отметке ставка оставалась до конца исследуемого периода (2013 г.).

В экономике Германии велика роль крупных семейных предприятий (*family-owned corporations*),

поэтому правительства ФРГ опасались вводить высокие ставки налогов на наследование имущества, предвидя негативное влияние на занятость и капиталовложения. Существуют льготы, предусматривающие освобождение от налогообложения стоимости материальных фондов компаний (облагаются только финансовые активы). Ответственность выступает за ликвидацию льгот для крупного капитала. Это вполне объяснимо, при том, что в Германии 90% фирм принадлежит к категории малого бизнеса с числом занятых менее 20 человек [6].

Картина динамики налоговой ставки во Франции после Второй мировой во многом повторяет ту, что сложилась в Германии. Во Франции, однако, ставка закрепились в 2010-х на самой высокой отметке среди четверки названных стран – 45%.

КРУПНЫЙ КАПИТАЛ И ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РАНТЬЕ

Наглядным свидетельством способности крупного капитала к ускоренному росту является сравнительная характеристика отдачи капитала университетских фондов (эндаументов). В 1980–2010 гг. среднегодовая отдача 860 университетских фондов в реальном исчислении равнялась 8.2%. У Гарварда, Йеля и Принстона, чьи размеры эндаументов исчислялись десятками миллиардов долларов (Гарвардский фонд – 30 млрд. и Йельский – 20 млрд.), отдача составляла 10.2%. У 60 университетов с фондами свыше 1 млрд. долл. отдача равнялась 8.8%. Фонды 66 университетов в диапазоне от 0,5 до 1 млрд. долл. давали 7.8%, 220 фондов в диапазоне от 100 до 500 млн. обеспечивали 7.1%. Наконец, 498 фондов объемом менее 100 млн. долл. приносили 6.1% (рр. 448-449).

Пример с университетскими фондами показателен тем, что их активы представляют собой вложения в ценные бумаги, а не в капитал в виде материальных фондов (машин, оборудования, зданий и сооружений). Такие вложения легко перемещать в географическом и отраслевом отношениях в те сферы, где отдача на капитал наиболее высока.

Чем крупнее фонд, тем больше у него возможности отслеживать меняющуюся конъюнктуру и оперативно перемещать свои активы. Гарвард расходует почти 100 млн. долл. в год на управление эндаументом. Эта сумма составляет немногим более 0.3% от величины фонда. Фонд объемом 1 млрд. долл. не может тратить такую сумму на управление капиталом. Ежегодные расходы составляли бы 10% от величины активов (с. 450).

Логика эволюции крупного предпринимательского капитала состоит в том, что он обеспечивает наиболее высокую отдачу, отказываясь от вложений в материальные фонды в пользу инвестиций в высоколиквидные активы. Таким образом, предприниматель по мере роста его капитала превращается в рантье.

Т. Пикети выступает за ограничение роста крупного капитала, за демократизацию экономической системы средствами налоговой политики. При высоких налоговых ставках на наследуемое имущество наследники вынуждены продавать основную часть имущества, чтобы уплатить налог. По мнению автора, на смену крупного рантье должны приходиться множество предпринимателей, способных лучше управлять вещественным капиталом.

Снижение прогрессивности налога на доходы и наследование имущества за последние три десятилетия способствовало усугублению неравномерности распределения доходов не только от капитала, но и трудовых. Имеется в виду рост разрывов вознаграждения членов высшего руководства крупнейших компаний. Пока максимальные ставки подоходных налогов в Великобритании и США составляли 80–90%, рост зарплат высших менеджеров сдерживался. После снижения ставок до 30–40% произошел взрыв размеров жалования управленцев крупных компаний (р. 508). В середине 2000-х зарплата высшего руководства крупных компаний более чем в 300 раз превышала размер среднего заработка работника, тогда как в 1970 г. соотношение было примерно 30-кратным [7, р. 136].

В числе основных выводов своего исследования Т. Пикети на первое место выдвинул положение, согласно которому снижение неравномерности распределения доходов и имущества в 1910–1950 гг. обязано введению и повышению прогрессивного налогообложения. Рост неравномерности распределения доходов, особенно после 1980 г., связан со снижением в 2–3 раза прогрессивности максимальных ставок налогов на доходы и наследуемое имущество (р. 20).

Соответственно, рекомендации автора в части демократизации экономических систем связаны с реформированием налоговой системы и усилением социальных функций государства. Основная проблема состоит в том, каким образом добиться сглаживания различий в уровне доходов и недвижимого имущества, сохраняя стимулы к трудовой и предпринимательской деятельности.

Советский эксперимент наглядно показал, подчеркивается в книге, что “частная собственность

и рынок не только способствуют господству капитала над теми, кто продает свой труд. Они выполняют важную роль, координируя деятельность миллионов людей, и без них не так просто обойтись. Гуманитарные катастрофы, порожденные централизованным планированием советского образца, показали это достаточно ясно. Налогообложение капитала, – полагает Т. Пикети, – может стать менее болезненным и более эффективным решением вечной проблемы капитала и отдачи от него. Прогрессивное обложение личного богатства могло бы обеспечить управление капиталом во имя общественных интересов при сохранении действия частной собственности и конкуренции” (pp. 531-532).

ПРОГРАММА РЕГУЛИРОВАНИЯ КАПИТАЛИЗМА В XXI ВЕКЕ

“Новая глобальная экономика, – пишет автор, – породила большие надежды (ликвидация нищеты) и не менее масштабное неравенство (некоторые лица обладают богатством, сопоставимым с целыми странами). Можно ли представить XXI столетие, в которое капитализм перейдет на более мирной и прочной основе, или мы должны просто ожидать следующий кризис или следующую войну (на этот раз действительно всемирную)?” (p. 471).

Рассуждая о новых мерах регулирования, которые должны восстановить контроль над капитализмом в интересах общества, Т. Пикети отталкивается от опыта реформ времен Великой Депрессии. Он подчеркивает в то же время, что возможности современного государства значительно выросли по сравнению с 1930-ми годами. Общая сумма собираемых налогов в процентах от ВВП увеличилась в США с 17% в 1930 г. до 31% в 2010 г., в Великобритании – с 21 до 40, во Франции – с 19 до 49, Швеции – с 15% до 54%. В 1870 г. (от него ведется в монографии отсчет налоговой нагрузки) соответствующий показатель равнялся в США 7%, а в остальных трех странах – 8% (p. 475).

Говоря о двух важнейших достижениях передовых стран в области бюджетной политики в XX в. (формирование социального государства, введение прогрессивного налогообложения), автор подчеркивает необходимость совершенствования, а не отказа от этих нововведений (p. 481). Вопреки распространенному мнению о высокой социальной мобильности американского общества, Т. Пикети утверждает, что ныне она намного ниже, чем в Швеции, и даже Франция, Германия и Великобритания отличаются меньшей заострен-

ностью классового общества, чем США (p. 484). Автор связывает это с неравным доступом к высшему образованию, несмотря на значительное повышение общего уровня образования на протяжении XX в.

Плата за обучение в наиболее престижных университетах США, как показано в книге, чрезвычайно высока и не по карману большинству населения. Стоимость его резко возросла в 1990–2010 гг. Дети, выходцы из низшей по уровню дохода половины общества на протяжении 1970–2010 гг. составляли 10–20% от численности лиц, получивших дипломы о высшем образовании. Дети, представляющие высшую по доходам четверть населения, увеличили свою долю с 40 до 80 % (p. 485). Даже для высшей прослойки среднего класса доступ в наиболее престижные университеты ограничен из-за высокой платы за обучение. Кроме того, вопрос о поступлении зависит от способности сделать взнос в эндаумент университета. Средний доход родителей студентов Гарварда составляет около 450 тыс. долл., что соответствует показателю благополучия 2% населения, занимающих высшую ступень в доходной иерархии (p. 485).

Признавая, что проблема доступа к качественному высшему образованию не имеет простого решения, Т. Пикети считает необходимым условием увеличение государственных расходов на высшее образование. Повысить финансирование на эти цели гораздо легче, чем улучшить пенсионное обеспечение. Сейчас во Франции на высшее образование расходуется сумма, составляющая 1% национального дохода, тогда как высший показатель в Швеции достигает 2–3% (pp. 632-633).

Автор монографии выступает сторонником страховой системы, при которой пенсии выплачиваются за счет отчислений из заработков работающего поколения. Принцип солидарности означает, что ныне работающие будут получать пенсии за счет отчислений из заработков поколения их детей. Это так же естественно, как и то, что образование детей осуществляется в конечном итоге за счет родителей. От поколения ныне работающих зависит и создание условий для повышения рождаемости в качестве одной из предпосылок решения проблемы старения населения.

Пенсионная система в нынешнем виде сформировалась в середине XX в., когда продолжительность жизни оценивалась в диапазоне от 60 до 70 лет. Она нуждается в реформировании теперь, когда этот показатель находится в пределах от 80 до 90 лет. Повышение пенсионного возраста необходимо для всех и особенно желательно для

лиц интеллектуальных, творческих профессий. Отсюда ученый делает вывод, что повышение пенсионного возраста должно быть дифференцированным в зависимости от характера работы (р. 489).

Другим фактором, осложняющим финансирование, является снижение темпов прироста ВВП континентальной Европы с 5% в 1950-х до нынешних 1.5%. Т. Пикети придерживается концепции неизбежности снижения интенсивности экономического роста до конца XXI в. не только в развитых странах, но и в мире в целом. Такой вывод связан с тем, что автор не признает существования длинных волн экономического развития. Тем не менее он не видит решения проблемы в переходе на накопительную систему. Дело не только в трудностях выплаты пенсий поколению, которое перестанет работать в переходный период. Хотя зарплата как источник финансирования пенсионной системы растет медленнее, чем отдача от капитала фондов накопления, она в 5–10 раз менее подвержена колебаниям, а потому представляет более надежный источник финансирования (р. 489).

Особое внимание в монографии уделяется реформированию системы налогообложения. Т. Пикети выделяет три вида налогов: на доходы, на капитал, на потребление. Все три вида, отмечает он, применялись в разных пропорциях почти во все исторические периоды (р. 494). Упор сделан автором на управлении капитализмом с помощью налога на капитал и налогов на доходы.

К сожалению, в монографии не получила развития тема реформирования налогообложения потребления. Отметив две составляющие налогообложения потребления: налог на добавленную стоимость и налоги на импортируемые товары и услуги, Т. Пикети утверждает, что налоги на потребление существовали всегда и часто были самыми ненавистными. Основное бремя потребительских налогов ложилось на плечи низкооплачиваемой части населения. Между тем в современных условиях формируются основы прогрессивной системы налогообложения потребления. Товары и услуги, расходы на которые составляют основную часть семейных бюджетов низкооплачиваемых слоев населения, могут освобождаться от налогов или облагаться по самым низким ставкам. Прогрессивное налогообложение дорогостоящих приобретений, борьба с расточительными расходами могут способствовать росту сбережений капиталистической элиты, которые будут расходоваться не на личное потребление, а на вложения в основной капитал, в инфраструктуру

туру общественного пользования, в создание новых рабочих мест.

Преимущество прогрессивного налогообложения потребления по сравнению с прогрессивным налогообложением доходов состоит в том, что оно не ослабляет стимулов к трудовой и предпринимательской деятельности, но способствует более рациональному расходованию доходов с точки зрения интересов общества. Недостаток прогрессивного налогообложения потребления, как и прогрессивного обложения доходов и капитала, состоит в том, что его эффективность зависит от внедрения не в отдельных странах, а в глобальных масштабах на основе общих принципов.

Не случайно изложение своей программы глобального налога на капитал автор начинает с предупреждения об утопичности ее характера (р. 515). Имеются в виду, скорее всего, трудности согласования интересов стран мира, которые должны заключить договор о гармонизации своих налоговых систем. Программа реформирования налоговой системы в глобальном масштабе должна выработать схему, к достижению которой следует продвигаться постепенно, начиная с решения задач в рамках региональных интеграционных объединений. Однако опыт показывает, что даже в рамках самой продвинутой региональной группировки, которой является Европейский союз, проблема гармонизации национальных налоговых систем пока остается неразрешимой.

В 2014 г. максимальные ставки на личные доходы в ЕС у 4 стран находились в диапазоне от 10 до 16% (Болгария, Литва, Венгрия и Румыния). У 7 они были выше 50%, в том числе у 3-х – больше 55% (Дания – 55.6, Португалии – 56.5, Швеция – 56.9). Разброс максимальных ставок наблюдается и в налогах на доходы корпораций. У 6 стран они находились в диапазоне от 10 до 17% (Болгария, Ирландия, Кипр, Литва, Румыния, Словения). У 4 стран ставки превышали 30% (Германия – 30.2; Бельгия – 34.0; Мальта – 35.0; Франция – 38) [8, р. 142].

О продвижении к прогрессивному налогообложению потребления свидетельствует тот факт, что все страны ЕС применяют стандартные и льготные ставки на добавленную стоимость. Несколько примеров низшей льготной и стандартной ставки в процентах (2014 г): Франция 2,1 и 20; Италия 4 и 23; Хорватия 5 и 25; Швеция 6 и 25; Великобритания 5 и 20; Германия 7 и 19. [8, р. 147].

Главным нововведением в налоговую систему XXI в., предлагаемую Т. Пикети, является глобальный налог на капитал. Под ним подразумевается ежегодный прогрессивный налог на индиви-

дуальное богатство: чистую рыночную стоимость финансовых и нефинансовых активов (активы за вычетом долга). По одной из предлагаемых им версий налогообложению подлежит богатство от 1 млн. евро. Владение в пределах от 1 до 5 млн. евро может облагаться по ставке 1%, от 5 млн. – в размере 2%, а наиболее крупные состояния свыше 1 млрд. – по ставкам от 5 до 10%.

По другой версии возможно обложение и меньших по размеру состояний, по ставке 0.5% – индивидуального богатства в пределах от 0.2 до 1.0 млн. евро (pp. 516-517). Необходимой предпосылкой является полная прозрачность банковских операций и автоматический обмен банковской информацией.

Автор полагает, что размер капитала является лучшим показателем индивидуальной способности вносить вклад в удовлетворение общественных потребностей, чем доход. Во многих случаях доход не поддается точной оценке со стороны налогового ведомства, но он явно занижен налогоплательщиком, если сравнить декларируемый им доход со стоимостью его имущества (pp. 524-527). Способность капитала давать все большую отдачу с увеличением его размера имеет солидное статистическое обоснование, что и продемонстрировано в монографии. В этом свете налог на капитал служит необходимым дополнением к налогу на доход. К тому же, налог на капитал стимулирует его владельца к повышению отдачи.

Провозглашаемая Т. Пикети цель налога на капитал – не заменить, усовершенствовать, а дополнить существующие налоги. Средства, получаемые от налога на капитал, могут быть весьма скромным дополнением доходов государственного бюджета. Заявляя, что главная цель налога на капитал – не финансировать социальное государство, а регулировать капитализм, автор разъясняет, как это следует понимать. “Первая цель состоит в том, чтобы положить конец бесконечному наращиванию неравенства распределения. Вторая цель – эффективное регулирование финансовой и

банковской системами для предотвращения кризисов” (p. 518).

Говоря об утопичности глобального налога на капитал, ученый упускает из вида очень важный аспект, влияющий на реалистичность проекта. Сохранение высокого уровня жизни в передовых странах в условиях обострения конкуренции со стороны крупных развивающихся экономик, располагающих гигантскими резервами дешевой рабочей силы, требует от развитых стран громадных усилий, чтобы выдержать конкуренцию. Необходимой предпосылкой решения экономических проблем является сохранение и увеличение материальных стимулов трудовой и предпринимательской деятельности.

Предлагаемый автором проект, предусматривающий усиление прогрессивности обложения доходов, явно ослабляет стимулы экономической деятельности. Чем выше прогрессия налогообложения на доходы, тем меньше стимулы добиваться лучших результатов в труде и предпринимательстве. Неудачи Ф. Олланда в экономической политике Франции – наглядное тому подтверждение. К сожалению, в монографии не нашлось места для рассмотрения схемы прогрессивного налогообложения потребления, которая может быть альтернативным направлением смягчения социального неравенства без ослабления стимулов хозяйственной деятельности.

В целом, фундаментальная работа автора призвана направить экономическую мысль в сторону важнейшей проблемы управления капиталом: согласования его динамики с общественными интересами путем изменения структуры распределения и использования доходов. Судя по рекордному читательскому интересу к книге сугубо академического характера, монография может содействовать повороту к этой проблеме основного течения мировой экономической мысли. Такой поворот оказал бы плодотворное влияние на развитие науки и ее служение интересам общественного прогресса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Maddison A. *The World Economy Historical Statistics*. Paris, OECD, 2003. 274 p.
2. Stiglitz J. E. *The Price of Inequality*. N.Y., L. W. Norton & Company, 2012. 414 p.
3. Piketty T. *Le capital au 21e siècle*. Available at: <http://piketty.pse.ens.fr/fr/capital21c> (accessed 21.12.2014).
4. *Bureau of Economic Analysis*. Available at: <http://www.bea.gov/itable/> (accessed 21.03.2015).
5. *World Development Indicators*. Available at: <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx> (accessed 21.03.2015).
6. Bryant C. German businesses face inheritance tax shake-up. *Financial Times*, 17.12.2014.
7. Krugman P. *The Conscience of a Liberal*. N.Y., L., W.W. Norton & Company, 2007. 352 p.
8. *Tax Reforms in EU Member States 2014*. Brussels, European Commission, 2014. 147 p.

HOW TO REGULATE CAPITALISM IN THE XXI CENTURY
[Review of the book: Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. Cambridge
(Massachusetts), The Belknap Press of Harvard University Press, 2014, VIII + 685 p.]
(MEMO Journal, 2015, no. 8, pp. 117-128)
Received 05.01.2015.

KLINOV Vilenin Georgievich (vg.klinov@mail.ru),

MGIMO University, 76, prosp. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

Acknowledgement. The article has been supported by a grant of the Russian Foundation for Humanities (RFH). Project no. 14-02-00330.

The problem of how to regulate capitalism to reverse the increase in inequality of income and wealth in advanced countries is dealt with. The existence of long waves in the dynamics of the split of national income between labor and capital has been proved. The possibilities and the need to use tax policy instruments to avoid the rise in inequality of income and wealth have been elaborated. The reform of the tax policy suggested by T. Piketty has been evaluated.

Keywords: inequality of income and wealth, advanced economies, long waves of economic development, distribution of national income, labor and capital incomes, regulation of capitalism, tax policy.

About author:

KLINOV Vilenin Georgievich, doctor of economics, professor.

Сдано в набор 06.05.2015 г. Подписано в печать 01.07.2015 г. Дата выхода в свет 25.08.2015 г. Формат 60 × 88¹/₈
Офсетная печать Усл.печ.л. 16.0 Усл.кр.-отт. 8.2 тыс. Уч.-изд.л. 15.9 Бум.л. 8.0
Тираж 482 экз. Зак. 421 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Учреждение Российской академии наук, Институт мировой экономики и международных отношений РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен издательством «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»», 121099 Москва, Шубинский пер., 6